

Гарри стоял на краю обрыва и смотрел на бескрайние просторы Атлантического океана. Он простирался насколько хватало глаз, казалось, целую вечность. Неестественно тянуло вынырнуть и посмотреть, что лежит за горизонтом. Должно быть, именно это влечет людей к морю", - подумал Гарри. Но это также успокаивало, он не чувствовал себя так расслабленно с прошлого года во время рождественских каникул, когда он был практически один в замке.

"Красиво, правда?" тихо спросила Гермиона.

"Да, - ответил Гарри, продолжая смотреть прямо перед собой, - и мирно".

Гермиона бросила на него быстрый взгляд: "Да... очень". В этот момент она поняла, что он чувствует. Его жизнь была полна потрясений, в ней всегда царил беспокойство. Но здесь, на какое-то мгновение, все обрело покой. Порядок сменился хаосом, который обычно искал его. Она стояла рядом с ним, слегка прислонившись к его боку, довольная тем, что поделила с ним этот момент... эту вечность.

Дан и Эмма сидели на скамейке неподалеку и наблюдали за происходящим. Обменявшись взглядами, они поняли друг друга, не произнеся ни слова. Они могли быть только лучшими друзьями, но их дружба была глубже, чем у многих других. И она только сейчас начала расцветать.

Когда потеплело, Гермиона выскользнула из шорт и стянула с себя майку, обнажив скромный голубой цельный купальник. Чувствуя себя немного неловко, она обернула короткий чехол вокруг талии. Она видела, что Гарри старается не смотреть на нее, но ему все равно было очень хорошо видно. Почувствовав, что будет справедливо повернуться к нему, она сказала: "Гарри, ты ведь в плавках, правда?" Надеюсь, что он поймет намек.

Гарри сдержанно покраснел: "Да, простите, я... ах...".

Гермиона с улыбкой отпустила его: "Ничего страшного, но поторопись, я хочу посмотреть, насколько теплая вода". Гарри быстро снял джинсы и бросил их в растущую кучу одежды. Гермиона не могла не заметить его нежелания снимать рубашку. Она встала перед ним и тихо спросила: "Гарри?"

Гарри остановился и замер. Он должен был догадаться, что Гермиона заметит его нерешительность. Сначала он просто хотел не снимать рубашку, но потом поймал себя на том, что смотрит на Гермиону. Он не собирался пялиться, но он никогда не видел девушку, на которой было бы так мало одежды, особенно Гермиону.

Теперь он чувствовал себя лицемером из-за того, что старался оставаться незаметным, хотя у него были другие причины. Увидев неподдельное беспокойство в ее глазах, он только усугубил ситуацию. Как она будет относиться к нему, увидев это? Будет ли она думать о нем по-другому, относиться к нему по-другому? Поняв, что она все еще ждет ответа, он начал: "Гермиона, я... есть кое-что..." Гарри вздохнул и разочарованно опустил глаза, не в силах подобрать нужные слова.

Гермиона подошла ближе и коснулась его руки: "Гарри, что бы это ни было... все в порядке, я пойму".

Гарри снова поднял голову: "Никто никогда не видел... не видел..." И, не говоря больше ни слова, Гарри схватил подол своей рубашки и потянул ее вверх и через голову, снимая.

Немного удивлённая его резким поступком, Гермиона отступила на шаг назад, а затем, задаваясь вопросом, в чём может быть проблема, посмотрела на грудь Гарри. Ничего необычного не было; Гарри выглядел так, как, по её мнению, должен был выглядеть любой другой нормальный четырнадцатилетний мальчик, может быть, только немного полноватый. Приподняв бровь, она открыла рот, чтобы заговорить, но остановилась, когда Гарри медленно начал поворачиваться. Вздвогнув, Гермиона прикрыла рот руками. Спину Гарри пересекали шрамы, нанесённые много лет назад. Сейчас они заживали, но было очевидно, что полностью они, скорее всего, никогда не исчезнут. Они напоминали ей раны, которые мог получить моряк древности, когда его привязывали к мачте парусного корабля и порол за совершенные преступления. Однако Гарри был ребёнком. Как можно было оправдать такое обращение с ним сейчас, не говоря уже о том, что было несколько лет назад? Они не могли, не могли, оставаясь людьми. Что за ад на земле пережил Гарри? Когда-нибудь она узнает, но не сегодня. Ему нужно было, чтобы она поняла его, а не задавала вопросы. Он нуждался в ее утешении, а не в жалости. Гермиона двинулась вперед.

Гарри стоял неподвижно и ждал, глядя на море. В любой момент, когда шок пройдет, она начнет задавать вопросы. В ее глазах вспыхнет праведный огонь, и она потребует справедливости. Он не мог ее винить: его жизнь так отличалась от ее, как она могла понять?

Гарри слегка подпрыгнул от ее прикосновения. Она ничего не сказала, а встала прямо за его спиной и коснулась его плеча. Она провела кончиками пальцев по одному из многочисленных шрамов. Гарри закрыл глаза: никто и никогда не видел его спину, кроме Дурслей, разумеется. Гермиона не произнесла ни слова, не закричала о несправедливости и не завывала от возмущения. Она не отшатнулась в ужасе. Может быть... может быть, она понимала.

Гермиона провела рукой по жестокой метке и снова подняла ее. Затем, немного успокоившись, она мягко попросила его повернуться. Гарри... не стыдись, ты ничего не сделал, чтобы заслужить это".

Его голос надломился, когда он спросил: "Почему ты так уверена?"

Она взяла его руки в свои и медленно покачала головой: "Что ты или любой другой ребенок мог сделать, чтобы заслужить это? Кроме того, Гарри... Я знаю тебя".

Гарри закрыл глаза и едва слышным шепотом сказал: "Спасибо".

Эмма и Дан тоже видели шрамы, правда, только издалека, но они поговорят об этом позже, сейчас было не время. Это был еще один маленький кусочек головоломки, которой был Гарри Поттер. Эмма не могла не заметить, что именно мелочи доставляли ему наибольшее

удовольствие. То, что большинство людей воспринимает как должное. Может быть, это потому, что он никогда не умел наслаждаться ими раньше", - подумала Эмма, вспоминая вчерашний ужин. Сначала она поговорит с мужем, но Эмма была уверена, что напишет длинное письмо профессору Дамблдору о Гарри и подаст заявление в полицию.

Весь день они провели на пляже. Гарри и Гермиона играли в воде и гонялись друг за другом по пляжу. В небольшом ресторанчике им подали обед на террасе, а позже они просто лежали на песке, наслаждаясь теплым солнцем. Наконец, когда наступил поздний вечер и стало прохладно, пришло время уезжать.

<http://tl.rulate.ru/book/115241/4511906>